

Гринкевич С.А., учитель

« ЖИЗНЬ ПРОШЛА НА ПОДЗАТЫЛЬНИКАХ». Из судеб советских немцев

**«Вы тоже пострадавшие,
А значит обрусевшие:
Мои – без вести павшие,
Твои – безвинно севшие».**
В.Высоцкий.

Река Чусовая, и район Кына в частности, были одним из мест, определенных Советской властью под принудительное поселение репрессированных. Здесь жили раскулаченные и ссыльнопоселенцы, высланные «за 101 километр» без права проживания в крупных городах, военнопленные, попавшие из немецких лагерей в советские, и осужденные военнослужащие, «бандеры» - высланные с Украины в послевоенные годы и западные белорусы, попавшие под гребенку раскулачивания в начале пятидесятых. В послевоенное время рубили лес в наших местах леспромхозы, укомплектованные чеченцами, молдаванами, вербовались на лесоповал калужане, украинцы. А в конце XX – начале XXI века появились здесь узбеки, таджики, грузины – и как предприниматели, и как наемная рабочая сила. Были это, в основном, молодые мужчины – активные, сильные, свободные. Кто-то быстро уезжал, кто-то оставался навсегда, но редко кого из них миновала шальная девичья любовь. Горячи кыновские красавицы, скоры на выбор – успевай-хватай своего, пока подруги из-под носа не увели! Печалились матери, кипятились отцы, а за подол девку не удержишь. Да живи ты с ним, лишь бы человек был хороший! И животы круглились, и детишки рождались в положенный срок, как в законном браке, так и вне его. Ох, и намешано же кровей в наших жилах!

Но вернемся к теме сталинских репрессий. В воспоминаниях старожилов нет-нет да и встречал я упоминания о немцах, что работали на Чусовой в годы войны. Это были не военнопленные, а советские граждане из Немецкой республики Поволжья.

Тамара Ивановна Клячина к началу войны была шестилетней девочкой. Вот ее воспоминания: *« Зимой в селе стали появляться русские немцы. Их сослали сюда на лесоповал в трудармию. Работали и жили они в лесных делянках, а иногда в село приходили. Сначала одежды теплой у них не было, многие умирали от холода и непривычной тяжелой работы. Всех умерших привозили в больницу и анатомировали зачем-то, а может, что и брали у них. Не понимаю, зачем их надо было анатомировать? Маму в то время перевели работать в морг. Она должна была печи топить и вовремя закрывать, чтобы покойники оттаяли. Однажды полезла она вьюшку закрывать, встала на стол, где лежал мертвец, а у того рука оттаяла и разогнулась, ударив ее по ногам. Мама в ужасе прилетела домой: покойник ожил! А деваться некуда – печь-то не закрыта, все равно надо возвращаться. Собрала сыновей: вместе не так боязно, оборонят. А когда пришли, то увидели, что бояться некого. Я с того раза покойников сильно боялась.*

Хоронили немцев на Ильинской горе в братских могилах. Однажды привезли из лесу покойника, а у него в одежде запечатанная воском бутылка. В больнице открыли – а там песок (сахар). Видно, припасал для себя на крайний случай, да не воспользовался. Отдали эту бутылку маме: напои детей сладким чаем. А она не могла этот сахар в чай класть, брезговала. Потом пережгла его в леденцовую массу на сковородке. Так я впервые попробовала, что такое леденец.

Кто из немцев помоложе, нашли себе девушек из местных, женились, наших-то мужиков в селе не осталось. Им уже полегче стало, в семье обстирают, накормят».

Николай Григорьевич Шахманаев 1927 г.р. жил в деревне Копчик: *« В Отечественную войну на лесоучастках работали трудармейцы, среди них были и русские, и украинцы, и немцы. Я помню лесоучастки: участок Чизмы (в двух километрах выше устья Чизмы, где стояла деревня), участок Кирпичной, Шурыш – на речке Серебряной. Бывал я и в Бутоне, уже после войны, в пятидесятые, тогда это был большой поселок. А где-то выше, слышал, был поселок раскулаченных Тюрница, где точно – не знаю. После войны кто-то из немцев уехал, а кто-то остался. В Верхней Ослянке долго жил и работал механик Нефель».*

Вахонина Людмила Афанасьевна, ветеран тыла, прислала письмо с рассказом о добыче алмазов в поселке Кусья в 1950-53гг., есть там строчка о немцах: *« По улице на одной стороне дома одноэтажные двухквартирные, в которых жили немцы, они хорошо жили и еще бондэры (вероятно, бандеровцы) жили».*

Случай свел меня с Галиной Андреевной Иглиновой: шел я пешком со станции Кын в село, а они из города на машине возвращались. Подвезли до села, по пути разговорились, а продолжили разговор в ее доме за чаем.

Вспоминала Иглинова Галина Андреевна о своем отце.

Мой отец, Мартин Андрей Александрович, был из поволжских немцев. В их селе бытовало предание, что первых немцев в Россию завез, закупив их как мастеров, Петр Первый, а потом Екатерина за какие-то долги привезла из Германии новых. Так их семья попала в Россию.

По вероисповеданию они были католиками.

Родился отец 15 января 1917г. в селе Гольштайн Саратовской губернии. Как жил до войны – не знаю, отец не рассказывал. В 1939г. был он призван в армию, а в 1940 г. направлен в 632 стрелковый полк. Служил он там ефрейтором. В полку было много людей разных национальностей: казахи, узбеки, немцы, татары. Полк стоял на Украине в городе Прилуки.

В первый же день войны полк бомбили немцы, а потом в атаку на наших пехотинцев пошли танки. У наших же солдат было по несколько патронов на винтовку, да и винтовки у некоторых бойцов учебные. Немцы сразу отрезали полк, и он рассыпался на небольшие группы. Бойцы пробирались на восток по ночам. Только в конце сентября они добрались до линии фронта и перешли к своим. А дальше началось самое горькое: из уцелевших бойцов отобрали всех немцев, погрузили в вагоны и отправили на Урал.

В Лысьве провели сортировку: самых сильных отправили на лесоповал, а остальных оставили на заводе. Мой отец был сильным, поэтому он попал в трудармию на лесоповал. Поселили их сначала на лесоучастке в Чизме. Там валили лес, штабелевали, а весной сплавливали по Чусовой. Потом перевели его в Кын. Жили они в старом здании больницы вместе с другими трудармейцами: там были и раскулаченные, и направленные за какие-то провинности, и колхозники – те в основном на подводах. Немцев от печки всегда оттесняли подальше.

Валка леса велась вручную, вывозка - на лошадях. Работа велась под надзором коменданта: отношение ко всем суровое, а к немцам – особенно, как к врагам народа. Весной на сплаве приходилось работать в ледяной воде – когда затор в реке, или плот рассыпается. Русские на такую работу не соглашались, а немцев гнали без уговоров. За особо тяжелую работу выдавали иногда спирт, полагался паек махорки. Мой отец все это менял на хлеб, а кто из его друзей курил и выпивал – простывали: табак ослабляет легкие и на морозе сразу прохватывает кашель, спирт тоже – сначала греет, а потом пропотеешь и застынешь. Воспаление легких в то время не умели лечить, антибиотиков не было, многие от простуды умерли в первый же год.

Передо мной сохранившиеся документы.

Военная книжка: призван в армию 15 июля 1940г., г. Прилуки, 632 стрелковый полк. Октябрь 1941г. – исключен из части (причина не указана). (В документе лукавство: призван был в 1939г.)

Трудовая книжка: **29.09.41 – принят на работу в Верх.Ослянский стройлеспромхоз в качестве лесоруба.**

06.11.45 – уволен по собственному желанию.

И здесь видна нестыковка: из армии исключен в октябре, а к работе в леспромхозе приступил уже в сентябре 1941г. По документам Мартин Андрей Александрович еще воевал с врагом, а фактически уже валил лес лучковой пилой. Кого волновала тогда бюрократическая точность? Время-то военное.

Справку о реабилитации Андрей Александрович получал дважды: в 1992 и в 1998гг, то есть уже в новой России.

Может быть, документы нашего времени точнее? Приведу выписку из справки о реабилитации:

« Когда и каким органом был репрессирован – в 1941 году демобилизован из действующей армии и направлен на работу в промышленность в г.Лысьву Пермской обл.. В 1946 году переведен на положение спецпоселенца как лицо немецкой национальности. В 1948 году оставлен навечно в местах обязательного поселения, без права возврата к месту прежнего жительства.

Основание для применения репрессии по политическим мотивам в административном порядке – постановление СНК от 8.01.1945г., Указ ПВС СССР от 26.11.1948г

Находился в трудовой армии в Пермской обл. с 1941г. по 1946г., на спецпоселении в Пермской обл. с 1946г. по 16 января 1956г».

Значит, следуя букве документа, с 1941 по 1946 гг. Андрей Александрович Мартин не был репрессирован! Он трудился в промышленности после демобилизации из армии. А под репрессию попал в 1946 то ли по постановлению СНК от 8.10.45, то ли по Указу ПВС СССР от 1948 как лицо немецкой национальности (фашистскую Германию к тому времени разгромили, но вот, понимаешь, в советском тылу остались какие-то немцы недобитые). Каторжный труд на лесоповале – не репрессия, а военная необходимость. Репрессией государство признало только перевод на спецпоселение, лишение гражданских прав в период с 1946 по 1956гг.

А на каком основании более миллиона советских немцев в 1941г. были высланы из родных мест? Направлены в трудармию? Это – не репрессия?!

Из приведенных документов выпирает еще одно лукавство нашего государства: Андрей Александрович признан жертвой **политических** репрессий, но ведь репрессирован он был не по политическим мотивам, а по **национальному** признаку! Не может наше государство признать факт национальных репрессий, это фашисты репрессировали по национальному признаку, а коммунисты – интернационалисты. То ли дело – политическая репрессия: под топор шли пролетарии всех стран, всех наций.

Но вернемся к воспоминаниям: *«Бедная кыновская девушка Шура (Александра) пожалела, а потом и полюбила высокого худого парня, плохо говорившего по-русски. Она тайком от надзирателей носила ему картошку, молоко, познакомила со своей семьей. В 1946 году им разрешили пожениться, а в 1948 году отца сняли с учета в комендатуре и оставили «навечно в местах обязательного поселения». Молодые не только расписались, но и обвенчались. Отец невесты, Ракланов Степан Алексеевич, был псаломщиком в Кыновской Свято-Троицкой церкви, а после ее закрытия получил разрешение от священноначальства крестить детей и совершать церковные обряды на дому. За веру был он раскулачен в 30-е, чудом избежал высылки, в колхоз его не принимали. Встал вопрос: можно ли католику венчаться с православной? Степан Алексеевич исхлопотал разрешение церковных властей и убедил будущего зятя: можно. Когда венчание прошло, свечи, которые были у жениха и невесты, дед спрятал, сказал: в гроб потом положите. Мамина свеча обгорела сильнее. « Значит ты, Шура, раньше умрешь,»- сказал дед. Так и случилось, мама ушла на десять лет раньше отца.*

В 1947 году родился первенец – Виктор, в 1949 – Николай, в 1951 – Галина, в 1957 – Надежда: два сына и две дочки. Отец окончил курсы трактористов, затем – шоферов, работал для семьи не покладая рук. Семья переехала в Кын, где он устроился в колхоз вольнонаемным шофером, а жена – нянечкой в туберкулезный санаторий. Льготами

колхозников отец не пользовался, а главная льгота – покосы. Раз дети в семье - нужна корова, а покосов нет. Сено заготавливать приходилось по клочку в разных местах, да и то бригадир норовил отобрать. За глаза обзывали его «фашистом», так и не стал он своим в Кыну. Жизнь прошла на подзатыльниках».

На стене – семейные фотографии: Галина Андреевна в юности – ослепительная красавица. А вот написанный маслом портрет светловолосой девочки в цветастом платье – когда-то давным-давно останавливались в их доме на лето художники, они и написали портрет приглянувшейся девочки. Что-то знакомое в ее чертах – ну да, внучка Кристина, моя ученица, смотрит с портрета бабушки, и картина как будто двойится.

«После войны стал отец искать родных, выселенных из Саратовской области. Оказалось, они недалеко от Урала, в Тюменской области. В 1952 г. он к ним в гости поехал. Мама рассказывала: уехал, а соседки давай меня донимать – что ж ты его отпустила, оставил тебя с детьми, и больше не вернется от своих, бросил он тебя, найдет там себе какую-нибудь немку. Маму эти сплетни больно ранили, но она верила отцу. Знать, соседки по себе мерили».

Отец обучился пчеловодству, держал до сорока семей пчел, хорошо за ними ухаживал.

Нас, детей, в школе не притесняли, но иногда вспоминали, что мы – дети немца. Меня в школе сфотографировали на доску почета за отличную учебу, но фотографию так и не повесили. Учительница утешала меня, хвалила, купила на свои деньги книжку, шоколадку. Родители говорили, что город не разрешил. Я была в октябрятках, в пионерах, а в комсомол не вступила, сама не знаю почему».

Работал отец до самой пенсии, имел много грамот, благодарностей.

В 1992 году отца реабилитировали как жертву политических репрессий.

У отца были друзья-немцы, с которыми он в молодости беду делил, а после переписывался

В 1995 году его наградили медалью «50 лет победы в Великой отечественной войне», признали его участником! Получил он открытку от губернатора Пермской области Б.Кузнецова со словами благодарности. Отец это поздравление, такое долгожданное, берег. Для него оно было признанием его невиновности перед русским народом. Ведь он и воевал, и работал не щадя себя для победы».

Умер папа в 2000 году на 84-м году жизни от болезни.

А в 2001 году брат отца и трое его детей уехали в Германию, в Дортмунд, откуда предки их когда-то отправились в Россию. Там они хорошо устроились, моя сестра была у них в гостях».

В судьбе одного человека, как в зеркале, отразилась судьба целого народа.

Исход немцев из России и стран СНГ прошел тихо и незаметно для большинства наших современников, оглушенных политическими баталиями конца XX – начала XXI века. Уезжали они с горечью в душе, с неизжитой обидой. Россия лишилась сотен тысяч (если не миллионов) честных и трудолюбивых граждан, выросших здесь и прекрасно ладивших с русскими. Это прошло мимо нашего общественного сознания!

В послевоенное время Германия раскаялась за злодеяния, совершенные фашистами перед еврейским народом, перед поляками, русскими... У нас же виновником всех злодеяний Советской власти объявлен Сталин, а народ вроде как ни при чем. Что – Сталин лично гнал поляков на расстрел в Катынский лес? Сталин лично грузил чеченцев и калмыков в эшелоны? Сталин лично обзывал немцев-школьников фашистами, а евреев – жидами? Сталин творил свои злодеяния руками русского народа. И пока не будет покаяния – не будет и прощения. Как же мы ведем себя? Вспоминают поляки Катынь – наши СМИ недовольны, вспоминают украинцы голодомор - и опять мы недовольны, вспоминают в Прибалтике жертвы репрессий – 400 тысяч только литовцев! – а с российской стороны: кто старое помянет... А они почему-то не хотят забывать своей истории, своей боли!

Несет ли народ ответственность за действия своей власти? Сегодня власть в России демократически избрана – и она не признает факт национальных репрессий. Мол, не мы это делали, да и не было национальных, были политические репрессии

Но Российская Федерация – правопреемник СССР, так, кажется, объявил Б.Н.Ельцин в 1992г?

Мы не умеем извлекать уроков из собственной истории. Мы не умеем учиться у наших соседей: сравните, как немцы встречают своих репатриантов, и как мы принимаем русских из стран ближнего зарубежья. Политика сбережения народа, выдвинутая как принцип Александром Солженициным и продекларированная нынешним президентом России, к сожалению, не стала еще практикой нашего государства. Себя нам не жаль, так что ж чужих-то жалеть?

...А тем временем подрастают, бегают в школу девочки и мальчики, чьи отцы – украинцы, белорусы, татары, немцы, узбеки, чеченцы, таджики, молдаване, башкиры, евреи..., а матери – русские. Охрани их Бог от национализма – как государственного, так и бытового.